

УДК 322

Православный вектор политического планирования в России

Е. О. Ива́нов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Рассматривается проблема развития России с точки зрения долгосрочного планирования в политике и стратегического потенциала православной культуры, который в силу целого ряда факторов недостаточно реализован.

Ключевые слова: гражданское общество, политическое планирование, православный вектор.

Для современной России вопросом непреходящей важности является построение здорового гражданского общества, обладающего политической и исторической субъектностью, включающей в себя приверженность традиции, способность к созиданию и восприимчивость к новизне. В связи с этим особое значение имеет политическая система общества как механизм агрегации и претворения его интересов и формулирования долгосрочных целей. Политику и можно понять как «творчество, связанное с социальными заказами и направленное на достижение тех или иных желательных состояний» [3, с. 13]. Полагание целей общества, анализ существующих рисков и угроз, их долгосрочное предупреждение производится в рамках стратегического планирования как имманентной функции политики.

В российском обществе существует стабильный и сильный запрос на стратегию развития страны, причем ценностное измерение этой стратегии во многом связано с православием, что обусловлено культурно-исторически. Согласно данным социологических опросов, в России авторитет Русской православной церкви и ее патриарха выше, чем у какого-либо иного института или общественного деятеля¹. Большинство россиян в той или иной степени идентифицируют себя как православных, хотя лишь малая их часть сознательно ведет церковную жизнь. Это формирует определенную асимметрию. С одной стороны, именно Церковь является мощнейшим интегратором российского общества и хранителем его исторической памяти. С другой стороны, церковь как часть социальной инфраструктуры (в широком смысле) весьма ограничена в своем влиянии на общество, причем во многом вследствие игнорирования объективных запросов и народа, и церкви со стороны власти².

Иными словами, *реальное положение церкви в современном российском обществе не соответствует ее символической роли, прежде всего с точки зрения формирования христианского образа жизни и, что особенно важно в*

политическом отношении, гражданского, правового и гуманитарного измерения этого образа жизни³.

Подобная постановка проблемы требует предварительного философского и теоретического раскрытия задач власти и общества.

Наиболее общей целью власти является сбережение народа и его жизненного мира, включающего в себя культуру в самом широком смысле (религию, язык, технику, технологию, науку, экономику и т. д.) и природу. Соответственно, в единстве культурной и экологической перспектив планирования черпает свою оправданность политическая власть. Она получает одобрение гражданского общества в том случае, если создает и поддерживает инфраструктуру, благоприятствующую реализации социального заказа.

Ожидания народа по отношению к власти формируются на двух уровнях: повседневном (прежде всего – запросы экономического порядка) и долгосрочном (запросы народа с точки зрения его культурной памяти и желаемого образа будущего). Это имеет отношение к различию между материальным и символическим капиталом общества, между краткосрочными задачами и стратегическими приоритетами. Стратегическое целеполагание осуществляется на символическом (мировоззренческом, ценностном) уровне, что предопределяет особую значимость культурных и религиозных аспектов политического планирования. При этом *«наша прогностическая способность в конечном счете измеряется глубиной нашей культурной памяти: те культуры, которые не помнят своего прошлого, имеют столь же мало шансов, как, впрочем, и вкуса, серьезно строить свои отношения с будущим»* [3, с. 22].

Культурная память народа, или традиция, представляет собой наиболее ценный ресурс власти: это совокупность передающихся из поколения в поколение духовно-нравственных и культурных смыслов, образцов, символов, а также институтов, норм и поведенческих практик, благодаря которым непрерывно воспроизводится единство общества. Традиция, как показала, в частности, Великая Отечественная война, имеет огромный мобилизационный потенциал, поскольку является неотъемлемой частью «субстанции» народа, источником его жизнестойкости и творчества, а также альтруистических установок, без которых немислимы построение здорового общества и успешная модернизация страны⁴.

Сегодня Россия стоит перед серьезным вызовом своему существованию, находится на одном из поворотных пунктов истории. Подвергается испытанию ее цивилизационная прочность, политическая, историческая и культурная самостоятельность, способность к инновациям и смене направления развития⁵. Как и в случае былинного богатыря на распутье, речь идет не только о содержательной стороне выбора, перед которым стоит Россия, но прежде всего о самом выборе как решимости и способности планировать и действовать⁶. В точках исторической бифуркации подлинно рациональным является решение, позволяющее сохранить субъектность и самобытность системы и при этом адаптировать ее к объективным и необратимым изменениям в окружающем мире. Поэтому в условиях глобализации рациональна лишь та политическая стратегия, которая основана на сбережении цивилизационной

идентичности и культуры народа и вместе с тем на активном участии в мировых процессах.

Несмотря на то, что политическая элита современной России в целом осознает масштаб вызова и призывает к смене парадигмы развития, она недостаточно задействует для мобилизации общества тот символический капитал, которым обладает Россия. Это вызвано узостью мировоззренческих установок элиты и проявляется во фрагментарности ее действий. Недостаточность стратегических усилий российской власти возникает также вследствие экономического детерминизма в планировании и, соответственно, игнорирования его культурных и конфессиональных аспектов⁷ (это характерно, например, для так называемой «Концепции-2020», где сформулированы «долгосрочные» цели для России⁸).

В таком ключевом документе, как «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»⁹, религия рассматривается исключительно в контексте «радикализма», «экстремизма», «нетерпимости»¹⁰. Это выглядит странно на фоне деклараций о необходимости «сохранения культурного и духовного наследия», «духовных ценностей граждан» и т. д. Какой институт общества, как не Церковь, хранит это «наследие» и «ценности»? Какой институт борется с социальными пороками¹¹? «Стратегия...» в рамках поставленных задач не предполагает за Церковью и религией какой-либо конструктивной роли в жизни гражданского общества, хотя именно религия содержит огромный потенциал в борьбе с «радикализмом», «экстремизмом» и «нетерпимостью». В сочетании с нормой о полном отделении государства от религии (Конституция России, ст. 14) это порождает ситуацию табуирования религиозного аспекта общественного развития и политического планирования. В результате снижается иммунитет российского общества: оно становится открытым для разрушительных информационных воздействий, в том числе со стороны тоталитарных культов и нетрадиционных религий. В стратегическом отношении это представляет несомненную опасность для России. *Один из коренных интересов российского общества оказывается не агрегированным элитой и не артикулированным в правовых нормах, т. е. исключенным из сферы государственного целеполагания. «Правда же состоит в том, что мнимое отсутствие какой-то важной области или сферы политики – это не что иное как реальная политика, причем более коварная и действенная, чем деятельность, прямо направленная на сокрушение страны» [5, с. 15].*

На наш взгляд, если российские элиты в ближайшие 5–10 лет покажут неспособность формулировать стратегические цели в соответствии с запросами народа и его культурно-конфессиональным «кодом», распад России как политической и цивилизационной общности станет неизбежным. Новый модернизационный рывок и смена парадигмы общественного развития, на что надеется действующая власть, невозможны без мировоззренческого сдвига в самих элитах, который должен конкретно проявиться в повышении качества стратегических решений и в расширении горизонта и глубины планирования¹². *Необходимый мировоззренческий сдвиг требует прежде всего ясного и артикулированного выбора элит в пользу исторической субъектности Рос-*

сии, сохранения и преумножения ее культурного наследия, в том числе в процессе состязания культур в открытом пространстве глобализированного мира. В этом смысле особое значение имеет религиозное самоопределение элит. Попытка выстроить будущее народа на началах, обособленных или даже враждебных по отношению к его прошлому, бесперспективна: ведь «великие альтернативы не рождаются на пустом месте, методом волюнтаристских импровизаций. *Великие альтернативы рождаются в лоне великой традиции.* У России есть такая: это восточное христианство, византизм, Православие» [4, с. 275]. Опыт ряда азиатских стран, в том числе Китая, при всей его противоречивости и проблемности, показывает, что модернизация страны не обязательно сопровождается демонтажем традиционной идентичности.

Стратегическим *тезисом* для России, ее народа и элит, соответственно, является следующий: православие – неотъемлемая часть истории России и основа ее цивилизационной идентичности, без которой немислимо долгосрочное общественное развитие России во всех его проявлениях.

Антитезис звучит так: православие в виде определенного набора ценностно-этических установок ориентировано на прошлое, препятствует развитию России в условиях глобального мира, его чрезмерная артикуляция подвергнет угрозе межэтнический и межконфессиональный мир.

Синтезис заключается в следующем: необходимо органично встроить православную традицию в ценностную систему гражданского общества, в том числе путем правовых и гуманитарно-технологических новаций, причем так, чтобы христианские принципы понимались не как препятствие общественному развитию, но как этическая рамка модернизации, совокупность критериев оценки ее методов и результатов¹³. Выражаясь словами А. С. Панарина, вопрос заключается в том, «возможна ли такая реконструкция классического культурного наследия, которая позволила бы ему пройти цензуру утилитарно-прагматической современности и без потерь перейти с нами в новое будущее» [3, с. 260].

Антитетическая часть представленной концептуальной конструкции может быть проблематизирована и в следующих вопросах: Совместимы ли православные ценности с рыночной экономикой, частной собственностью, предпринимательской свободой и инновациями? Не породит ли излишняя общественная артикуляция православия угрозу светскому характеру государства? Не приведет ли усиление православного вектора в политике к обострению межконфессиональных отношений, особенно между христианской и мусульманской общинами?

Синтетические ответы на эти вопросы таковы. Православие совместимо с рыночной экономикой, частной собственностью и инновациями, поскольку не считает какую-либо экономическую модель преимущественной и не ставит собственно экономических целей¹⁴. В то же время Церковь порицает такое использование собственности и такую экономическую деятельность, которая нарушает закон и нравственность, наносит вред обществу. Такой феномен, как православное предпринимательство, свидетельствует о том, что христианские ценности и предпринимательская инициатива могут органично совмещаться.

Что касается угрозы светскому государству, то она отсутствует, поскольку это противоречит интересам самой церкви, независимости ее позиции. В то же время нуждается в дополнительном исследовании вопрос о том, существует ли в обществе согласие насчет полного разделения государства и религии. Ведь «живое общественное целое не потерпит раскола между ними» [2, с. 328].

Наконец, усиление православного вектора в политике будет способствовать конфессиональному миру, поскольку, во-первых, оно неизбежно должно сочетаться с защитой интересов других традиционных религий России, о которых говорится в законе «О свободе совести и о религиозных объединениях»; во-вторых, в исламе христиане рассматриваются как «люди Книги», и в целом глубоко верующие мусульмане и православные с большим уважением относятся друг к другу¹⁵. Многие мусульмане Северного Кавказа, особенно из Дагестана, приезжая в другие регионы России, видят секулярное общество, распространенность пороков, «слабохарактерность» и уязвимость общества. Более того, проникновение этих пороков в традиционно мусульманские регионы однозначно связывается представителями Северного Кавказа с отпадением от веры и слабостью русского народа, конституирующего целостность России. Это, безусловно, создает сепаратистский потенциал.

Таким образом, артикуляция православного вектора политического планирования и общественного развития представляется жизненно необходимой, в том числе с точки зрения безопасности общества во всех ее аспектах.

Можно говорить о двух уровнях православного вектора в политике: стратегическом и оперативном. Стратегический уровень предполагает увязывание долгосрочного развития страны с фундаментальными духовно-нравственными ценностями и цивилизационной идентичностью России. Оперативный – создание соответствующей инфраструктуры для реализации потенциаль православной традиции в развитии общества и гражданских компетенций.

Соответствующая инфраструктура разделяется на материальную, правовую и образовательную.

Реализация православного вектора в политическом планировании, соответственно, предполагает:

I. С точки зрения материальной инфраструктуры – учет религиозных интересов общества при проектировании новых населенных пунктов, районов, кварталов. Соответственно, строительство храма или мечети становится также делом государства и бизнеса, а не одной лишь религиозной общины, поскольку именно государство и бизнес наряду с обществом отвечают за создание инфраструктуры. Другими словами, храм и мечеть – это не просто культовые здания, но важные объекты общественной инфраструктуры.

II. С правовой точки зрения – формализация православного вектора в ключевых государственных документах (стратегиях, концепциях и т. п.), развитие дружественной православию правовой среды (например, с точки зрения защиты информационных интересов верующих).

III. С образовательной точки зрения – создание условий для развития религиозного образования в России, как с точки зрения поддержки специализированных учебных заведений, так и введения особых образовательных курсов в школах и университетах.

Реализация православного вектора в политическом планировании приведет к формированию новой лояльности, терпимости и правосознания, которые станут органичными следствиями нового – *приходского, общинного* – образа жизни. Значительно изменятся досуговые предпочтения граждан, возрастет потенциал гуманитарных технологий. Некоммерческая ориентация религиозной общины, высокая степень альтруизма верующих делают общину значимым социальным субъектом: как с точки зрения самоорганизации и взаимопомощи, так и реабилитации депрессивных, девиантных и маргинальных групп общества (иногородние студенты, заключенные, одинокие старики, сироты, бродяги, пьяницы, наркоманы и т. д.).

В общем, *именно религиозная община является источником гуманитарных новаций и общественного здоровья, необходимым ферментом гражданского общества*. Соответственно, поддержка общин и приходов является делом государственной важности. «Ощущение общиной верующих своего права и достоинства дает ей преимущество. (...) Где проявляется сильное духовное начало, оно будет стремиться охватить окружающую среду. В конечном счете нормой общины не может не стать категорический императив Иммануила Канта: поступай так, чтобы правила твоего поведения были пригодны стать законом для всех. Направление динамики общины указывает таким образом в сторону общества в целом и его государства» [2, с. 328]¹⁶.

Реализация православного вектора в государственной политике приведет к формированию *приходской общественной культуры*. В дореволюционной России именно церковь и приход выступали как интегратор основной массы народа. В этом смысле *православный вектор как новация будет, вместе с тем, возвращением к тому типу гражданской самоорганизации, который исторически характерен для России*. Ведь «связь времен» только и может выступать как «факты современной социальной реальности» [6, с. 30].

Известные американские политологи Г. Алмонд и С. Верба считали, что приходская культура предполагает пассивное отношение к окружающей действительности, в том числе к деятельности власти, и противопоставляли ей культуру участия. Дело, однако, обстоит так, что именно *приходская культура* характеризуется активным *участием* в жизни общества и реализации важнейших интересов людей, в том числе с точки зрения духовности, взаимопомощи, досуга и знания.

Подводя итог, следует сказать о следующем. В условиях постепенного истощения индустриальной цивилизации и нарастания кризисных тенденций в самых разных областях, этически и ценностно ориентированное развитие становится не просто альтернативой, но, видимо, необходимостью. Причем именно культуры, сохранившие свое наследие, обладают высоким потенциалом в создании постиндустриального мира. По словам А. С. Панарина, «здесь действует парадокс: чем более удалена та или иная культура от эпицентра

модернизации, тем больше у нее шансов на возрождение постиндустриального типа» [4, с. 80].

Следует помнить, что по-настоящему нереалистична только та альтернатива, которую не предлагают, не обсуждают или даже умалчивают. В этом смысле у элит, гражданского общества, Церкви, академического сообщества, бизнеса есть огромный потенциал по выработке долгосрочной стратегии развития России, учитывающей ценности отечественной культуры и православной традиции.

¹ Отметим и следующее. В декабре 2008 г. попрощаться с почившим Патриархом Всея Руси Алексием II пришли по своей воле десятки тысяч людей со всей России, в том числе неправославные и неверующие. Ни одно событие жизни страны за последние годы не вызвало столь мощного, искреннего и свободного ответа общества, в котором с особой силой проявилось его единство.

² Хотя нельзя не отметить определенные продвижения, в частности, учреждение института армейских священников и введение основ православной культуры в школьную программу.

³ Указанная асимметрия в некоторой степени обусловлена, если следовать Г. П. Федотову, «характером византийского проповедничества»: «Греческая проповедь в основном теологична. (...) Сама проповедь была продолжением литургии, разделяя ее торжественный, теургический стиль, а моральные наставления вообще опускались. Этим объясняется глубочайший провал византийской религии: шаткость этической жизни» [7, с. 45].

⁴ С точки зрения теории управления речь идет о *системе мотивации и стимулов*, без которой пребывание человека в организации не имеет долгосрочных перспектив, как и существование самой организации.

⁵ Об этом, в частности, см. в материалах Фурурологического конгресса, прошедшего в Москве в ИНИОН РАН 4 июня 2010 г.

⁶ В этом смысле ценно замечание Ж.-П. Сартра о «фатальности» человеческой свободы и невозможности избежать выбора, даже если он проявляется как отказ от выбора.

⁷ Между тем «влияние культуры, как упорядочивание социологического мышления на состояние общественных отношений, на поведение реального человека в реальном социальном институте неоспоримо» [8, с. 66].

⁸ Заметим, что цели аналогичной «Стратегии социально-экономического развития России до 2010 года», принятой в 2000 г., в основном не выполнены.

⁹ Утверждена весной 2009 г. URL: http://kremlin.ru/ref_notes/424

¹⁰ В этом смысле достаточно показателен и текст Конституции России, где религиозный фактор обыгрывается либо нейтрально, либо в контексте «розни» (ст. 13), «ненависти и вражды» (ст. 29), но никак не с точки зрения положительного интегративного потенциала.

¹¹ Один из примеров – разработанная при непосредственном участии РПЦ и утвержденная в начале 2010 г. «Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года».

¹² Заметим, что в современной России временной горизонт «долгосрочного» и «стратегического» планирования не превышает 10 лет. Одно из исключений – например, региональная «Стратегия социально-экономического развития Республики

Северная Осетия-Алания до 2030 года». Для сравнения приведем мысли американского геополитика З. Бжезинского о временных горизонтах планирования: «Расчитанная на длительное время стратегия должна быть сориентированной на краткосрочную (следующие пять или около пяти лет), среднесрочную (до 20 лет или около 20 лет) и долгосрочную (свыше 20 лет) перспективы» [1, с. 234].

¹³ В связи с этим следует отметить, что в заявлениях Патриарха Кирилла и ежегодного Всемирного Русского Народного Собора неоднократно подчеркивалось, что общественную модернизацию невозможно ограничить только экономическими аспектами и что необходимо использовать ценности культуры и духовное наследие народа (URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/33350.htm>).

¹⁴ В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» сказано: «Церковь не определяет прав людей на собственность». «Церковь призывает христианина воспринимать собственность как дар Божий, данный для использования во благо себе и ближним». «Церковь признает существование многообразных форм собственности. (...) Церковь не отдает предпочтения ни одной из этих форм» (URL: <http://www.mospat.ru/ru/documents/social-concepts/vii/>)

¹⁵ Татарстан и Северная Осетия представляют собой образец дружественного, практического симбиотического сосуществования мусульман и православных.

¹⁶ Также: «Чем увереннее стоит на своих ногах община, тем скорее она осознает достоинство традиционных учреждений, например системы светского и канонического права. Понимание их мудрости, иногда скрытой, откроет путь для интеграции общины в общество и в конечном счете полного сращения с ним» [2, с. 327].

1. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М. : Междунар. отношения, 2003.

2. *Бибихин В. В.* Община и общество // Бибихин В. В. ДРУГОЕ НАЧАЛО. – СПб., 2003.

3. *Панарин А. С.* Глобальное политическое прогнозирование : учебник / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2002.

4. *Панарин А. С.* Россия в циклах мировой истории / А. С. Панарин. – М. : Изд-во МГУ, 1999.

5. *Расторгуев В. Н.* Природа социального разлома и долгосрочная стратегия России // Трибуна рус. мысли. – 2008. – № 9.

6. *Сагарев В. В.* Из двух эпох: русская философия права и социальная реальность / В. В. Сагарев, В. И. Шамшурин // Социол. исслед. – 1990. – № 3.

7. *Федотов Г. П.* Собрание сочинений : в 12 т. Т. 10 : Русская религиозность. Ч. 1: Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. / Г. П. Федотов. – М. : Мартис, 2001.

1. *Bzhezinskiy Z.* Great Chessboard: American dominance and its geo-strategical imperatives / Z. Bzhezinskiy. – M. : International relations, 2003.

2. *Bibikhin V. V.* Community and society // Bibikhin V. V. ANOTHER ORIGIN. – SPb., 2003.

3. *Panarin A. S.* Global Political Forecasting. Textbook for students of Higher Schools / A. S. Panarin. – M. : Algorithm, 2002.

4. *Panarin A. S.* Russia in the World History Cycles / A. S. Panarin. – M. : Publ. MSU, 1999.

5. *Rastorguev V. N.* Nature of Social breakage and long-term strategy of Russia // Tribune of Russian thought. – 2008. – N 9.

6. *Sagarev V. V.* From the two epochs: Russian legal philosophy and social reality / V. V. Sagarev V. I. Shamshurin // Sociological surveys. – 1990. – N 3.

7. *Fedotov G. P.* Collected works in 12 volumes. V. 10: Russian religiousness. Part I. Christianity of the Kievan Russia. X–XIII cc / G. P. Fedotov. – M. : Martis, 2001.

8. Шамишурин В. И. «Гуманитарная» социология: новые ориентиры и старые проблемы // Социол. исслед. – 1992. – № 2.

8. Shamshurin V. I. «Humanitarian» sociology: new reference points and old problems // Sociological surveys. – 1992. – N 2.

Orthodox vector of Political Planning in Russia

E. O. Ivanov

Moscow State University of M. V. Lomonosov, Moscow

The article examines the issue of the Russia development in terms of long-term planning in policy and strategic potential of the Orthodoxal tradition, the last is realized insufficiently by the reason of loads of factors.

Key words: civil society, political planning, Orthodoxal vector.

Иванов Евгений Олегович – аспирант кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, e-mail: ivanov-dubrovin@mail.ru

Ivanov Evgeniy Olegovich – Ppostgraduate Student of the Department of Philosophy of Politics and Law, the Moscow State University of M. V. Lomonosov, Moscow, e-mail: ivanov-dubrovin@mail.ru